

Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка

Разработка истории русского языка не свободна от существенного и, если говорить о последних десятилетиях, едва ли не традиционного недостатка: в работах по истории языка источниковедческий аспект обыкновенно не принимается во внимание, а если и принимается, то получает крайне слабое и чисто формальное отражение. Между тем, известно, что успех исследования и, прежде всего его объективность, зависит не только и порой не столько от применения новых и усовершенствования старых методов, но также и от того, на каких источниках оно построено и в какой степени освоены эти источники. Имеем в виду их количественную достаточность, а помимо того и непрменный учет принадлежности их к оригиналам, редактированным спискам с оригиналов или буквальным копиям, отнесенность к определенной лингвистической территории или языковому коллективу, соотнесенность с известным временем, лингвистическую содержательность и степень информативности, обусловленной, скажем, характером графики, состоянием правописных норм, орфографической выучкой писцов и т. д.

Не будем приводить многочисленные примеры невнимания к лингвистическим источникам. Отметим только, что оно в значительной мере связано с распространением в отечественном языкознании в определенные периоды его развития таких умозрительных концепций, как концепции марровского толка, позднее — структуралистские. Отрыв от живой материи языка, воплощенной в многообразном море источников, для последних особенно характерен. При наличии в нашей стране огромных фондов старинных рукописей и старопечатной книжности, положение это представляется особенно печальным. Оно

еще осложняется тем, что русистика унаследовала от прошлого недооценку обширных групп источников, особенно скорописных и, в первую очередь, приуроченных к южновеликорусской области.

Недооценка была исторически обусловлена. Первые исследователи русского языка, стремясь по возможности проникнуть в наиболее глубокие эпохи его истории, обращались к самым древним памятникам, писанным, как известно, уставом. Ограничение исследуемого списка источников древнерусскими памятниками тогда являлось оправданным. Впоследствии закреплению этой тенденции в известной степени содействовало сочувственное отношение тех кругов, идеологические воззрения которых находили опору в древнерусских текстах, в своем подавляющем большинстве церковноканонических. На протяжении XIX в. состав рукописных источников, вовлекаемых в орбиту филологического изучения, постепенно расширялся, притом за счет и древнерусских и примыкающих к ним по времени старорусских памятников. Деятельность в этом направлении таких корифеев отечественной науки, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, поистине неопределима. В то время достигла высокого уровня и общефилологическая и лингвистическая интерпретация древних текстов, что особенно ярко проявилось в исследованиях А. А. Шахматова. Заметим, однако: материалы более позднего времени почти не привлекали внимания лингвистов и, за немногими исключениями, издавались и исследовались только историками России. Даже об А. А. Шахматове, историке русского языка необыкновенно широкого диапазона, В. В. Виноградов писал: «Дальше—периоду средневековья (в сравнении с более ранним. — С. К.) А. А. не уделял такого пристально-настороженного, исследующего внимания. . .»¹

Итак, в поле зрения русистов находились памятники уставного письма, постепенно дополняемые полууставными. Между тем, назревали уже такие задачи, решение которых предполагало привлечение материалов поздней письменности, скорописных материалов. К сожалению, последние, разрабатываемые историками, издавались

¹ В. В. Виноградов. Алексей Александрович Шахматов. Пб., 1922, стр. 67.

с такими упрощениями, что для фонетического анализа оказывались абсолютно непригодными, а для изучения морфологии и синтаксиса — пригодными ограниченно. Вследствие указанных и других причин, останавливаться на которых нет необходимости, культура лингвистического чтения скорописи не получила должного развития и огромные фонды скорописных материалов историкам русского языка остались неизвестны. Характерно в этом отношении, например, признание Е. Ф. Будде, внимание которого привлекли фонды старинных рукописей в Рязани: «Так как мы сами с величайшим трудом могли разбирать скоропись дьяков и грамотных людей XVI—XVII-го века, которой написаны интересовавшие нас документы: челобитные, дарственные записи, грамоты, хозяйственные росписи и т. п. письменные памятники, то А. В. Селиванов (правитель дел Рязанской ученой архивной комиссии. — С. К.) взял на себя труд читать нам вслух все эти акты, соблюдая в произношении особенности правописания»². А далее следовала оговорка, в которой ясно прозвучало существовавшее в то время отношение к древним и поздним текстам: «Впрочем, и поездка в Рязань дала очень немного, так как мы не нашли древних документов: самые старшие оказались принадлежащими концу XVI столетия и началу XVII-го»³.

К сожалению, то, что было естественно в конце минувшего века, как абсолютно неестественное продолжается в наше время. Невнимание историков языка к поздним, скорописным текстам, неосведомленность в этих текстах — явление едва ли не общее.

Полагаем, незнание упомянутых текстов и отсутствие их лингвистических изданий сыграло определенную роль в утверждении сомнительного мнения, вошедшего в качестве бесспорного в учебные пособия, что современный фонетический облик и грамматический строй русского языка к XV—XVI вв. в общем уже сложились и поэтому более поздние памятники каких-либо существенных показаний о его фонетико-грамматическом развитии, собственно, не содержат. Общая история русского языка (а не только литературного) в ее современном виде —

² Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. «Русский филологический вестник», 1892, № 2, стр. 165.

³ Там же.

это, в сущности, его история до XV—XVI вв. Подобное состояние разработки данной научной дисциплины, помимо обстоятельств иного рода, повторяем, во многом обусловлено указанным выше невниманием к поздним скорописным источникам XVI—XVIII вв. Та же самая неосведомленность в поздних скорописных текстах, отсутствие в науке ясного представления об их лингвистическом наполнении мешают реальному пониманию такой коренной и сложной проблемы, как роль в истории русского языка церковнославянского элемента.

Неисчислимы материалы русской скорописи XVI—XVIII вв. в своем огромном большинстве являются текстами делового и, в некоторой части, бытового содержания. В сравнении со всеми другими источниками названной эпохи они с наибольшим приближением к действительности отражают былое состояние народно-разговорной речи. Поэтому отставание в их исследовании ограничивает возможности выявления конкретного облика этой речи, применительно к данной эпохе, и выяснения ее исторической роли в формировании русского национального языка и его литературной разновидности.

Для разработки реальной исторической диалектологии изучение скорописных источников XVI—XVIII вв. в сочетании с показаниями местных говоров исключительно перспективно. Как это ни странно, несмотря на наличие массы таких скорописных источников, русская историческая диалектология даже указанного периода остается во многом гипотетической, поскольку сводится в основном к проецированию современных диалектных данных в историческое прошлое. География русских народных говоров означенного периода не может быть установлена с достаточной степенью вероятности без привлечения источников подобного рода, писанных местными людьми. Только эти материалы XVI—XVIII вв. могут раскрыть полную картину диалектов русского языка по всей территории его распространения, и особенно говора Москвы в эпоху его формирования как основы устного варианта современного русского литературного языка.

Хотя в последние два десятилетия и появились слабые приметы заинтересованности отдельных историков языка в изучении поздних скорописных текстов, до основательного введения их в лингвистические исследования еще очень далеко. Пока историки русского языка,

за самыми редкими исключениями, не владеют чтением скорописи, разыскания, построенные на материале этого рода письменности, — явления просто редкостные. Особенно сказывается незнание скорописи на исследованиях по истории русского языка в периферийных высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях. Дело в том, что древние рукописи уставного и полууставного письма, чтение которых не затруднительно, собраны главным образом в центральных архивохранилищах, а периферийные архивы, за малыми изъятиями, располагают только скорописными текстами XVI—XVIII вв. Таким образом, последние остаются не исследованными, хотя изучение их могло бы оказаться и более содержательным и более результативным, нежели исследования, основанные на упрощенных изданиях памятников, к которым вынуждены прибегать лингвисты.

Словом, дальнейшее развитие истории русского языка во многом зависит от приобщения исследователей к рукописному наследию, притом не только уставному и полууставному, но также и скорописному.

Недооценка памятников поздней письменности привела и к такому печальному следствию, как разработка истории русского языка без учета исторических свидетельств южновеликорусского наречия, поскольку дошедшие до нас памятники этого наречия — не старше XVI столетия. Забвению южновеликорусской письменности способствовало давнее господство мнения, согласно которому степные места вплоть до XVI в. в результате татаро-монгольского нашествия и последующих татарских нападений пребывали в полном запустении⁴. Предполагалось: южновеликорусское население сформировалось в процессе сравнительно позднего колонизационного движения с севера, причем в составе колонизационных волн были как северяне, так и потомки старых обитателей края, когда-то отхлынувших на север под давлением татаро-монголов. А отсюда так или иначе следовало: население степного Юга пестрое и ожидать в его письменном наследии отражения более или менее единой глубокой лингвистической традиции, а, значит, и су-

⁴ О несостоятельности этого мнения см. в работе: С. И. К о т к о в. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963, стр. 6—17.

щественных данных для истории русского языка вовсе не приходится. В общем, к нашему времени сложилось такое положение: история русского языка позднее XIV в. и вплоть до XIX, до привлечения диалектных записей, — это его история лишь в северо-средневеликорусском «списке» или, скажем, «редакции». Между тем, без серьезной разработки старинных южновеликорусских источников невозможно выяснение таких процессов, как образование средневеликорусских говоров, в том числе московского, формирование национального языка и демократизация литературного. Изучение южновеликорусской письменности XVI—XVII вв., вероятно, явилось бы полезным и для более или менее конкретного, а не гипотетического воссоздания языка великорусской народности, хотя его обыкновенно и локализуют в Северо-Восточной Руси и рассматривают уединенно от южновеликорусской стихии.

Сложившееся в прошлом изучение церковнославянских текстов в наши дни сведено к минимуму. Невнимание к этой категории памятников длится десятилетиями. Вполне объяснимое условиями первых лет революционной эпохи, ныне оно не может быть признано правомерным, потому что значительно ограничивает возможности познания русского языка старшего периода. Нет заметного продвижения в монографическом исследовании памятников, которые можно было бы связывать не просто с церковнославянской стихией, а, вслед за В. В. Виноградовым, с несколько более широкой, именуемой книжно-славянской. «В настоящее время, — справедливо писал В. В. Виноградов, — проблема исторических взаимодействий и соотношений народно-русской и старославянской, а также и позднейшей церковно-славянской (или, вернее, книжно-славянской) стихий в русском литературном языке на протяжении всей его истории и во всех сторонах его строя и состава не может считаться всесторонне и равномерно освещенной. Даже древнерусские письменные памятники XI—XII вв., такие, например, как Святославов изборник 1076 г., летописные списки, жития Бориса и Глеба, как сохранившиеся, правда, в поздних списках произведения проповеднической поучительной литературы (сочинения митрополита Илариона, Климента Смолятича, Кирилла Туровского и др.), Киево-Печерский патерик, древнейшие тексты переводных

повестей и др. под., с историко-лингвистической точки зрения почти не исследованы»⁵.

Вследствие этого решение вопроса об основе русского литературного языка после известных работ С. П. Обнорского не выходит за рамки крайне смутных, исключительно умозрительных построений. Поскольку ранний период русской письменности оставил нам, за малым изъятием, лишь церковнославянские источники, в них, не менее, чем в текстах собственно русского характера, и следует искать решение этого важного вопроса. Фронтальное изучение данных памятников, прежде всего в лексическом отношении, может дать основательные сведения о собственно древнерусской стихии в литературном языке восточных славян. Для этого, помимо описания отдельных древних памятников, необходимы обобщающие исследования лингво-текстологического плана, к примеру, всех евангелий, всех кормчих, всех миней и других категорий памятников церковнославянского свойства. Выявляемые в этих памятниках, в общем более или менее однородного содержания, лексические, грамматические и фонетические разночтения в определенной степени представляют и собственно русскую речевую культуру. Обнаруживаемые в составе подобных памятников, они имеют особое значение, далеко не соизмеримое с их количественным присутствием в текстах данной категории. Последние по известным причинам переписывались особенно тщательно, поэтому их показания в тех немногих случаях, когда, при всем внимании писца, элементы его живой речи, вопреки традиции оригинала, все же заявляли о себе, представляются особенно значительными. Не всегда элементы такого рода были непременно диалектными. То обстоятельство, что эти элементы органически «вписывались» в традиционный текст, оказывались в нем вполне приемлемыми, могло свидетельствовать об их литературности, а когда они вытесняли традиционные, — об их литературной эквивалентности этим традиционным элементам.

Исследование старинной письменной культуры обыкновенно проводится в двух планах — со стороны ее содер-

⁵ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 20.

жания и распространения в каком-то количестве списков, редакций и изводов. Однако такое изучение не дает достаточно полного представления о развитии письменного языка и влиянии его на устную стихию. Необходимо еще выяснение тех конкретных условий, в которых бытовала эта письменность в читательских кругах того времени. Пока исследований данного плана мы еще не имеем.

Такой вырисовывается общая картина освоения древних и поздних источников в современной истории русского языка.

В трудах по истории русского языка источниковедческий аспект протупает очень слабо, а порой и вообще отсутствует. В лучшем случае в исследовании находим только список источников, предназначенный для раскрытия их сокращенных обозначений. Список этот по большей части является довольно стандартным и не выходит обычно за пределы общеизвестных изданий памятников. Места хранения памятников указываются не часто, в редких случаях приводятся номера или названия фондов, не говоря уже о номерах описей и единиц хранения. Иногда наименования изданий памятников включаются в один список вместе с названиями рукописей: настолько недифференцированно воспринимают составители списков эти не сводимые к одному знаменателю виды источников. Если работы по истории языка предваряют обзоры источников, то они, как правило, бывают элементарно археографическими, лингвистическая специфика источников освещения не получает. В обзорах не раскрывается содержание источников, их тематическое наполнение; не отмечается принадлежность их к определенному жанру письменности, а в тех случаях, когда это оказывается возможным, и приуроченность их к определенной территории. Никогда не указывают писцов. А, главное, не получают освещения такие свойства источников, как лингвистическая содержательность и лингвистическая информационность⁶.

Отсутствие в обзорах этих сведений — не всегда непохвальная дань традиции, иногда — и следствие поверхностного знакомства с рукописными материалами.

⁶ О лингвистической содержательности и лингвистической информационности см.: С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964.

Необходимо уважительное отношение к источникам, глубокое проникновение в их лингвистические и информационные свойства, без чего и совершенные методы исследования не могут дать надежной картины исторического развития языка. Знание предопределяемой содержанием источников лингвистической содержательности последних обеспечивает их оптимальный подбор для исследования в намеченном направлении. Знание информационной источников обеспечивает наибольшую объективность их лингвистических показаний. Осведомленность в этих свойствах источников предохраняет русистов от серьезных ошибок.

Так, если к текстам делового содержания и притом локального происхождения подходить формально-логически, в них, естественно, следует ожидать отражение лексических диалектизмов. Однако детальное рассмотрение текстов с точки зрения их содержания и предопределяемой последним лингвистической содержательности убеждает нас в том, что подобные отражения в них в общем далеко не полные, а отдельные группы диалектных слов, вроде элементов детской речи, наименований явлений природы, многих названий растений и животных, ряда предметов домашнего обихода и некоторых других, в них вовсе не представлены. Только самое близкое знакомство с текстами данной категории дает возможность понять, почему определенные лексические диалектизмы, известные нам из современных говоров той же территории и заведомо бывшие в употреблении в прошлом, не получают в них отражения. Лапидарность и событийный характер собственно деловых текстов, в отличие от эпистолярных, исключают отображение в них таких житейских ситуаций, в которых могли быть употреблены подобные лексические элементы. Впрочем, иногда, хотя и довольно редко, они заявляют о себе и в собственно деловых текстах, «откликаясь» в отдельных прозвищах и топонимических образованиях⁷.

К ошибкам влечет и неосведомленность в обстоятельствах, определяющих информационность источников. Например, недооценка того, что при тщательном списыва-

⁷ Примеры см.: С. И. Котков. Очерки по лексике южно-великорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 131, 261—262, 264—265, 272.

нии книг, исполненных уставом, да к тому же церковно-канонических, условия для проявления аканья были крайне неблагоприятны⁸, невольно приводит к недооценке его действительного распространения в соответствующей зоне Московской Руси XIV—XV вв.

Иногда приходится наблюдать, как только на том основании, что рукописный источник принадлежит тому или иному городу, его показания привлекают при изучении местных говоров, их фонетики и морфологии, хотя указанный источник (например, писцовая книга) и был написан не местным писцом, а присланным из Москвы. А сколько ошибочных заключений о былой географии отдельных слов, фонетических и грамматических явлений, их первых фиксации в памятниках рассеяно в статьях и диссертациях, авторы которых, ограничившись изучением печатных материалов, не обратились к необходимым рукописям или воспользовались ими недостаточно квалифицированно, так сказать, мимоходом.

Все сказанное приводит к заключению: дальнейшее успешное развитие истории русского языка, превращение ее в синтезированную, в значительной степени зависит от разработки ее источниковедения. Наступило время серьезного поворота в этом направлении.

⁸ См. С. И. Котков. Об исследовании источников по истории говора Москвы. «Русский язык. Источники для его изучения». М., 1971, стр. 85—86.